

"Что ты здесь делаешь?" - его голос внезапно прервал ее размышления. Она немного испугалась, несколько секунд ошеломленно смотрела на него, прежде чем поняла вопрос, - "Я просто пришла повидаться с няней Чжао."

Больше он ничего не сказал. В конце концов, она, вероятно, не очень нравилась ему с самого начала и до сих пор.

Но после того, как няня Чжао вернулась, он снова изменился. Он обращался с Ду Сяосу очень вежливо, точно так же, как няня Чжао не обращалась с ней как с посторонней, особенно во время еды. Няня Чжао дала ему одно из тушеных бедер курицы, а другое Сяосу, - "Вы оба ешьте больше. Вы оба заняты весь день, и плохо едите."

Казалось, он хотел сделать няню Чжао счастливой. В мгновение ока он доел куриную ножку, а затем спросил, - "Есть еще? Я могу прикончить их всех."

"Ах ты, бедняжка!" - Няня Чжао ласково ткнула его палочками для еды, - "Когда-нибудь уже приведешь показать свою девушку? Ты действительно планируешь быть холостяком до конца своей жизни?"

Лэй Юйчжэн сказал, - "Почему ты похожа на мою мать? Говоришь мне это всегда, когда меня видишь."

Няня Чжао улыбнулась, - "Значит, ты тоже это знаешь. Поторопись и найди хорошую девочку, чтобы мы с твоей мамой могли быть уверены."

Лэй Юйчжэн рассмеялся и сказал няне Чжао, - "Не волнуйся, я найду красивую и добродетельную, и ты будешь довольна."

Няня Чжао ответила, - "Ты говоришь эти слова уже который год, но я не видела, чтобы ты сделал уже хоть что-то. Ты сказал это однажды, когда ел здесь в прошлом году..." - вспоминая, что в последний раз, когда Лэй Юйчжэн говорил это, это было время, когда Шао Чжэньжун привел Сяосу. Увидев опущенную голову Сяосу, ковыряющую рис палочками для еды, няня Чжао не смогла сдержать вздоха.

Сяосу знала, что она снова подумала о Шао Чжэньжуне, и почувствовала себя подавленной. Она была еще более опечалена, но не могла этого показать, притворяясь радостной, когда ела эту еду.

Когда няня Чжао услышала, что она в командировке и что ее коллега уже забронировал для нее отель, она почувствовала небольшое облегчение, - "Пусть второй брат отвезет тебя обратно."

Когда няня Чжао пошла провожать ее, все еще держала ее за руку. Наконец, она легонько

похлопала ее по руке, - "Теперь, когда Чжэньжун ушел, ты должна позаботиться о себе."

Через окно машины она продолжала улыбаться, а затем попрощалась. Няня Чжао стояла у ворот двора, глядя на нее с улыбкой, как будто она смотрела на своего собственного ребенка, потому что она необыкновенно воспитала Чжэньжуна, поэтому няня Чжао также относилась к Ду Сяосу как к своему собственному ребенку.

Зная, что машина выехала из переулочка и нянюшку Чжао больше не видно, она заплакала.

Она думала, что больше не может плакать, что ее слезы высохли, но ничего не могла с собой поделать.

Она вообще не осмеливалась пойти домой, не говоря уже о том, чтобы увидеться с родителями. Потому что ее родители всегда хотели, чтобы она была счастлива, но когда человека, которого она любила, больше не было рядом, как она могла все еще быть счастливой?

Она безудержно плакала, слезы текли из ее глаз, беспрепятственно стекая по щекам. Сквозь размытые слезы уличные фонари проплывали один за другим, как падающие звезды. Самое прекрасное прошлое в ее жизни было подобно метеору, когда-то такому яркому и когда-то такому прекрасному. Но у нее больше не было Шао Чжэньжуна.

Она пыталась найти его шаг за шагом, но счастья, которое когда-то было, больше не было.

Как бы это ни было тяжело, она должна быть одна.

Она не знала, как долго плакала. Наконец машина остановилась перед красным светом. Он протянул ей носовой платок.

Она взяла его, прижала к лицу и бессвязно произнесла, - "Сегодня мой день рождения..."

Она знала, что его нет рядом, но ей нужно было поговорить. Она поперхнулась, но упрямо продолжала, - "Мне сегодня двадцать четыре, можешь в это поверить? Он сказал, что в этом году, в мой день рождения, мы поженимся... В конце прошлого года я все еще была самым счастливым человеком в мире..." - Она собирала хорошие воспоминания из прошлого, как жемчужины, одно за другим, но не было никакой возможности нанизать их заново. Она говорила, теряя слова, потому что это было так красиво, что она с трудом могла вспомнить, когда у нее когда-либо было такое счастье быть с ним, делать все вместе каждый день. Он так любил ее, так обращался с ней, и она привыкла думать, что это будет на всю жизнь.

Но вся ее жизнь, прежде чем ей исполнилось двадцать четыре, остановилась.

Было слишком много замечательных вещей, которые она даже не могла произнести. Она могла

произносить это только время от времени. А потом навернулись еще большие слезы. Она плакала снова и снова. Носовой платок был мокрым, и поэтому он подал ей коробку с салфетками с заднего сиденья. Она держала коробку с салфетками и болтала о прошлом. Те вещи, которые Шао Чжэньжун делал для нее, то, как Шао Чжэньжун хорошо относился к ней. Она всегда задыхалась на полпути, но на самом деле ей не нужно было никому рассказывать. Только она сама знала этого достаточно. Это был ее Шао Чжэньжун, единственный и неповторимый Шао Чжэньжун.

Наконец она устала плакать и заснула, держа в руках коробку с салфетками.

Лэй Юйчжэн не знал, в каком отеле она остановилась. Она была измучена слезами и поэтому, наконец, заснула. Ее ресницы все еще были влажными от теплых слез. Он подумал, что, возможно, не сможет снова отправить ее обратно в свой дом. Но если бы он разбудил ее, он не мог быть уверен, что она снова не заплачет. Он никогда не видел, чтобы у кого-то было так много слез, которым не было конца. Она не плакала громко, но продолжала плакать и плакать, пока он не почувствовал, что даже его сиденье промокнет от ее слез.

Он ездил кругами. Ночью было тихо, и машин на дороге становилось все меньше и меньше. Он не знал, куда идти и что делать, поэтому продолжал ехать вперед. Только светофоры одиноко мигали. В машине было достаточно тихо, чтобы он мог слышать ее дыхание. Каждый раз, когда он поворачивал машину, он всегда слышал тиканье указателя поворота, совсем как она, ее слезы капали одна за другой.

Наконец он припарковал машину на аварийной стоянке и вышел.

К счастью, у него все еще были сигареты, поэтому он повернулся спиной, чтобы избежать ветра, и закурил.

Город погрузился в сон. Глядя вниз со стоянки, скудно освещенные здания казались одинокими звездами. Люди во всем мире спали, даже плачущий человек спал.

Он стоял перед ограждением, красный свет ярко сиял у него на кончиках пальцев, как будто нес в себе странную силу успокаивать людей. Позади него ревели машины, отдаленно похожие на легкий гром, но такие далекие, как будто в другом мире.

Неприкасаемые и, казалось бы, недостижимые.

Ду Сяосу проснулась в три часа ночи и обнаружила, что прислонилась к окну машины с коробкой салфеток в руках и спит так, что у нее затекла шея. Машина была припаркована на широкой стоянке с двумя мигающими задними фарами.

Она была немного ошеломлена. Наконец дверь машины открылась. Он принес с собой чистый холодный ветер поздней осени и незнакомый запах табака.

Он вообще не смотрел на нее и просто спросил, - "В каком отеле ты остановилась?"

На самом деле, сразу после того, как она покинула аэропорт, она отправилась на поиски маленького домика няни Чжао во внутреннем дворе. Она вообще не бронировала отель. Она тихо сказала, - "Просто отвезите меня в любой."

Наконец он взглянул на нее, - "Где твой багаж?"

Она тупо покачала головой. Кроме своей маленькой сумки, она не взяла с собой никакого багажа.

Вскоре они свернули на боковые дороги и некоторое время ехали, прежде чем добрались до жилого района. Наконец он остановил машину и просто сказал, - "Выходи."

Она обняла коробку с салфетками и последовала за ним из машины. Он нажал код снаружи холла, провел ее в квартиру и поднялся на лифте прямо наверх.

На двери дома, похоже, был замок с отпечатками пальцев. Проверка прошла быстро. Через две секунды раздался щелчок. Замок повернулся, и дверь открылась. Свет в подъезде также автоматически включился. Войдя, она увидела, что гостиная была очень просторной, но ковер был в беспорядке, повсюду была разбросана куча журналов.

Она была измотана. Она услышала, как он сказал, - "Вторая комната слева-гостевая комната с ванной внутри."

Она держала коробку с салфетками и ступала по мягкому ковру в трансе, похожем на лунатизм. Он исчез на полминуты. Когда он снова появился, в руках у него была куча вещей, новые полотенца и новые футболки, - "Обойдись этим."

Ей действительно хотелось спать. Она поблагодарила его и взяла их.

Только войдя в ванную, она вспомнила положить коробку с салфетками. Она поспешно приняла ванну, а затем легла на кровать.

Кровать была очень удобной, а постельное белье - легким и теплым. Почти через секунду она заснула.

Она спала очень крепко. Если бы не звонок телефона, она, вероятно, не проснулась бы. Она все еще была не в себе после сна и наконец поняла, что это был телефон. Ее мысли были неясны, а пальцы уже вцепились в телефон, - "Алло..."

Человек на другом конце провода заметно вздрогнул. Она вдруг поняла, что это не ее дом и не

ее стационарный телефон. Несколько секунд она не знала, что делать, но колебание было лишь мимолетным, и она быстро повесила трубку.

Странно, что он больше не звонил. Возможно, этот человек не пытался позвонить снова.

Она полностью проснулась, вспоминая, что произошло вчера. Она не могла не покачать энергично головой, как будто это могло заставить ее еще быстрее проснуться. Она продолжала чувствовать себя немного неловко. Она немного посидела на кровати, прежде чем, наконец, встать, чтобы умыться. После этого она легко вышла из комнаты.

Лэй Юйчжэн стоял и курил перед окном гостиной.

Окна от пола до потолка выходили на восток. Утренний свет был ярким, и вся его фигура, казалось, была окружена бархатными золотыми ободками. Он не пошевелился, когда услышал, как она вошла, а просто стряхнул немного пепла в пепельницу рядом с собой.

У него был холодный темперамент, когда он молчал. Ду Сяосу всегда немного боялась его, поэтому ее голос был тихим, - "Второй брат." Услышав, как она обращается к нему так, он не пошевелился, поэтому она сказала, - "Спасибо, я сейчас уйду."

Он погасил сигарету, а когда обернулся, в его тоне послышалась редкая мягкость, - "Если хочешь, есть места, куда я могу тебя отвести, чтобы посмотреть."

Они побывали во многих местах. Он вел машину и повез ее через похожий на лабиринт город. Эти дороги были очень тихими. Высокие деревья по обе стороны тротуара сбрасывали листья. Время от времени мимо проносился ветер, и бесчисленные листья летели вниз потоком золотого дождя, падая на окно машины. Иногда он останавливал машину, и она выходила из машины вместе с ним.

Он шел впереди. Его шаг не был поспешным. Она последовала за ним. Эти места - очень незнакомые и ничем не примечательные дворы. Только войдя внутрь, она увидела густые деревья гинкго и саранчу. Бульвары были глубокими и длинными, а теннисные корты были смутно видны с другой стороны рощи. На кортах играли люди, их смех был едва слышен. Небольшие здания в старом советском стиле, стены увиты плющом. Листья начали увядать, так что это еще больше заставляло тонкие и плотные ветви показать следы времени. Лист лотоса в искусственном озере давно завял. Старик сидел один в павильоне на берегу озера и играл на аккордеоне. Мелодия была долгой и грустной, и только последний оставшийся лотос мог ее послушать. Погода была невероятно хорошая. Осенью в этом городе всегда было высокое небо и легкие облака.

Лэй Юйчжэн ничего ей не объяснил. Она просто молча наблюдала, но знала, что эти места были тем местом, где он жил, где он гулял, воздухом, которым он дышал. Он провел здесь много лет.

В сумерках он припарковал свою машину на обочине дороги и наблюдал, как поток учеников хлынул из школьных ворот. Когда они вошли, в кампусе уже было очень спокойно. Белые тополя покрывали здания. Серо-зеленая глазурованная плитка, длинные лабиринтоподобные коридоры казались одиноким и усталым великаном. Чем дальше они шли, тем тише становилось. Время от времени их встречали несколько учеников, которые смеялись и болтали на ходу, даже не замечая их.

Через лес они прошли по тропинке к пруду с лотосами. Хотя говорили, что это пруд с лотосами, листьев лотоса там не было. Вместо этого на берегу пруда рос тростник. Сейчас был сезон летающих сережек из тростника. Белоголовые тростники контрастировали с косым светом неба в сумерках. Он был полон осени, как будто кто-то небрежно рисовал от руки. На траве у пруда все еще лежала половинка каменной таблички. Почерк уже давно размыт. Некоторое время он постоял там, словно о чем-то размышляя. Небо постепенно темнело, и наконец он прошел под ивой, взял сухую ветку, присел на корточки и начал копать.

Ду Сяосу сначала не поняла, что он делает. Ветка была слишком тонкой и трудной в использовании. После двух ударов она сломалась. Он по-прежнему ничего не говорил, но снова выбрал водяной каштан и продолжил копать. К счастью, всего два дня назад прошел дождь, и почва все еще была мягкой. Она поняла, что он делает, поэтому подняла камень. Она просто хотела присесть на корточки, но он молча преградил ей путь. Она не издала ни звука, встала и отошла немного подальше. Она стояла у сломанного дерева и смотрела на него.

Она не знала, как долго он копал в тот день. Небо потемнело, и с того места, где она стояла, она могла видеть только его профиль. Свет уличного фонаря просачивался сквозь щели между ветвями и листьями, и его лицо казалось размытым. Очень далеко горел только уличный фонарь, его свет был тусклым. Его руки были залепаны грязью, даже рукава были в пятнах. Но даже когда он делал это, он все еще был спокоен и совсем не казался расстроенным. На самом деле, его серьезное выражение лица было очень похоже на выражение лица Шао Чжэньжуна, но в то же время Шао Чжэньжун в ее памяти никогда не был таким.

Наконец, он достал коробку из грязи. Коробка была зарыта глубоко. Ду Сяосу наблюдала, как он вытер мокрую грязь салфеткой и положил коробку перед ней.

Она не знала, что было в коробке, она просто медленно присела на корточки, ее руки немного дрожали, когда она открыла крышку коробки. Жестяная коробка казалась коробкой из-под шоколада. Товарные знаки с рисунком все еще были хорошо видны снаружи. По прошествии многих лет на коробке появилась ржавчина. Она долго пыталась открыть ее, но не могла. Поэтому, наконец, он протянул руку и с силой открыл крышку.

Это была коробка, полная аккуратно разложенных бумажных полосок. Она увидела только три слова, выгравированные на нижней части крышки: Шао Чжэньжун.

Это был почерк Шао Чжэньжуна. Его почерк в то время уже имел гладкий летящий вид. Но, может быть, время прошло слишком долго, или, может быть, молодой человек в то время использовал только маленький нож, чтобы выгравировать здесь свое имя, поэтому штрихи были прерывистыми, как будто их там не было.

Она сидела там на корточках немного упрямо, неподвижно, как будто эти три слова высосали всю ее душу, и в ней ничего не осталось.

Эти листки бумаги были разбросаны повсюду, обычно на них было написано несколько предложений или два, и все они были написаны Шао Чжэньжуном. Она вынимала их одну за другой.

Записки были написаны им от маленького ребенка до человека в зрелости. Каждая из них была уникальна.

На первой было написано кривым почерком, - "Я хочу получить высокий балл."

Во втором листе было даже пиньинь, - "Я хочу научиться играть в баскетбол."

"Учитель Цзэн, я надеюсь, что вы как можно скорее поправитесь и скоро вернетесь в класс. Все очень скучают по тебе."

"Я хочу быть таким же, как мой старший брат, получить высокие баллы и быть хорошим учеником."

"Мама, спасибо тебе. Спасибо тебе за то, что родила меня десять лет назад. Папа. Старший брат/второй брат, я люблю вас, и я надеюсь, что вся семья всегда будет вместе, как сейчас."

"Цинь Чуаньхай, да здравствует наша дружба! Увидимся в младших классах средней школы!"

"Второй брат, ты действительно красив, когда дерешься, но я надеюсь, что ты никогда больше не будешь драться."

"Я не участвовал в конкурсе по физике, потому что не старался изо всех сил. Мне очень стыдно."

"У папы уже седые волосы."

"Учитель Хе, я действительно понял этот вопрос."

<http://tl.rulate.ru/book/68432/1822408>